
Вы знаете — любил поэт когда-то
Москву. она его как брата
Она его ласкала нежная смешав
с другими организмами. он прав
был от утра шатаясь в дымном шуме
в снегу в колёсах. В беспощадном уме
смешались грации любых сторон
поэт тогда был беспощадно «он»

То к ГУМу занесёт его дорога
Стоит глядит товаров сколько много
У всякой вещи есть своя фигура и окраска
и люди в деревенских прѣстных масках
и от ворот Кавказа и от других ворот
приносят свою фразу все нации в народ
Спокойные узбеки. тревожный сын туркмен
Нац.мены словно реки. втекают в ГУМ вдоль стен

Поэт среди них Лимонов
почти такой же сын
одежда без фасонов
и чёрный цвет один
Пальто сверхразливное
куски мохнатых брюк
Лишь на лицо простое
очков наброшен крюк
Его встречали часто
хохол и белорус
он с ними образует
невидимый союз

То занесёт его в букинистический
В Столешников приземистый трагический
Стоит глядит он книги час и два
и без еды кружилась голова

Сказать теперь что стал он не такой
Что уж ему наскучил род людской
Он был растяпа и разиня. ротозей
смотреть любил на вещи на людей

Свисают вещи. люди ткани мнут
Большой базар. прекрасно устают
глаза от метров ситца от папах и жёлтых рук
Сказать что нынче взгляд его потух?

Нисколько. лишь переключился он
Мир наблюдает он с других сторон
Как иностранцы бодрые живут
чего съедают и про что поют

О национальности! Вы слабость для поэта
И нравятся чулки. носки. береты
Плащи. накидки. шубы и пальто
Машины. деньги. тысячи и сто

О линии и лики президентов!
О короли средь их больших моментов!
О цвет и запах и бутылок этикетки
Старинных фирм блестящие отметки!

Всё это в изобилии даёт Москва
манжеты белые торчат у рукава
Поэт почти такой лишь смотрит с удивленьем
на мировые всякие явленья

О войне за Хиву
О Хиве за войну
Расскажу я путём превосходства
Нас не надо убить
И в песках утопить
Совершить мы желаем поход свой

А Хивинский тот хан
Далеко отстоян
Он живёт за войсками в оградах
Он большой и смешной
С голубой бородой
Весь в камнях соболях и наградах

Ну а русский солдат
Он начальнику рад
Он в холщовом наряде с винтовкой
У него на лице
Ничего о конце
Притворяться умеет он ловко

Переход. переход
Многодневный поход
Вся пустыня в казѣках солдатах
Пить как хочется ох!
А колодец залѣг
Впереди в миражах и закатах

Здесь ночная постель
Приближается цель
И туркмена измена не может
Помешать и не дать
И россиянов рать
Край хивинского ханства уж гложет

Офицер впереди
К белоснежной груди
Прижимает он перевязь-руку
Да от крови следы
Ничего. до воды
Доберѣмся сквозь жары и муку

Мне совершенно фигура Христа
Та и не та
Мне совершенно фигура Христа
не говорит ни черта

Мне говорит он — ливийский дух
Между пустыней двух
В храме которого не было нет
Храминой целый свет

И тёмной ночью военный отряд
перестреляли ребят
Это ливийский вмещающий дух
ластится вслух

Это вдруг тот говорит что молчал
идеалист он и каннибал
сентиментально покроем слезой
труп молодой

В снежной России он тот же — наш
В чёрном музее стружит карандаш
И между двух потемневших старух
В нише ливийский дух

Я на ливийского духа звездам
Жалобы нет. никогда не подам
Да. и по поводу грязных равнин
Не обратится сын

В тёмном подвале Свердловска ты
Пил у Царя и Царицы рты
Пил у испуганных бледных детей
Древних кровей

Не покровитель тебе — народ
Этих народов — текучих вод
Видел немало ливийский дух
пользовал их как слуг

От бледнопятых седых египтян
Да и сидел на цепи Тамерлан
Завоеватели и вожди
Словно дожди

Да, на равнинах паннонский галл
Тихо, лодыжечно-голо стоял
и опёршись рукой на копье
думал своё

И надо мною ливийский дух
Пусть я стою у ботинок двух
И обувной шелестит магазин
Дух-то один

Шелест таджика, узбека ход
Будущий общий китайский народ
Видит спокойно ливийский дух
Сдержан при этом. сух.

Наслаждайся жизни битвой
Утром сразу попади
Обрезают уж деревья
Весна-лето впереди

Говорю себе — Лимонов
Ты — здоровый человек
Пережил ты столько стонов
собственных. Как гордый грек.

Клеопатра

Точно помню на картинке
С весом дама и матрона
Чем скажите очарован
Был Антоний возле трона

Римский друг. триумвиратор
В помышленьях император
Этой женщиной тяжёлой
Если же была весёлой?

Врёт картинка. Клеопатра
Была замужем за братом
Старшим. а потом за младшим
В общем значит была падшей

С нею спал могучий Цезарь
С нею спали спали спали
Её недра раздвигали
Возмутительной рукой
женщины смутив покой

Так она переходила.
Август сделал. Положила
две змеи себе на грудь
Не идти в далёкий путь
привязавшись к колеснице
Тридцать девять лет девице
Когда тихо умерла
От позора же спасла

Значит было в этом теле
Что-то страсти что не съели
Гордость царская и поза
Сверху змей лежала роза
До эР Ха тридцатый год
Так счас женщина умрёт?

Я люблю когда страницы
Ветхой книги кажут лица
Древних восковых времён
Я свободно наделён

Подоплёкой таковою
Что живу почти с тобою
Клеопатра в один день
И гляжу как ляжет тень

Статуи скульптурной вазы
И он входит резко. сразу
Входит твой очередной
Может Кассий — он герой?

Иль ты едешь в белой барке
С музыкой. и душно. жарко
В Ниле замер крокодил
Гладким стал могучий Нил

.....

Надо быть поближе к власти
Разберут и нас на части
Что любил. Кого любил
Лют был. грозен. или миа

Так Лимонов размышлял
Клеопатру представлял.

Люблю я жену свою страстно
Она необычно прекрасна
И с нею живём мы вдвоём
В квартире уже как в легенде
Пьём водку и вина и бренди
И чёрного хлеба жуём

Жена моя пишет в тетради
Стихи наслаждения ради
Горят из Елены глаза
Нам все говорят — погодите
Друг другу ещё затошните
Не сможете жить вы из-за

Да это бы верно бы было
Когда бы она не любила
На месте меня был другой
А так мы живём себе ясно
Она — необычно прекрасна
И я — национальный герой

Бледнолицый и серьёзный
Разудалый человек
Вы — Лимонов — Вам не поздно
Вами создано навек

Разнообразные поэмы
И престранные стихи
А иные люди немые
Да из них торчат грехи

Вы любовь свою схватили
и забрали унесли
Как вас черти не крутили
Крови хамские спасли

И году в шестидесятом
Не попали Вы в тюрьму
вслед за Костькой. почти братом
в юридическом тому

не читают адвокаты
ваше дело нараспев
Вы — Лимонов — всем богаты
Ваша лучшая из дев

Отчего тогда скажите
если пляска водка стол
Вдруг со всеми не сидите
и задумчивый ушёл

В марте как известно
По России тускло
Тучи злы телесно
Как-то тесно узко

Хочется в дорогу
где-нибудь где юг
Где чужие боги
и довольно слуг

Носят кофе-воды
А в окне отеля
Море пароходы
кипарисы ели

Солнце. иностранки
ходят без чулок
бритты и британки
и собака дог

Тихие русские воды
воды нахмуренных книг
Чёрные плечи погоды
Зябкий застуженный стих